

Журналист из Башкортостана Руслан Валиев: "Трансформация моих взглядов далась мне путем мучительных терзаний"

Idel.Реалии

2 часа(-ов) назад

 Prefer us on Google

Руслан Валиев на выставке в Варшаве. Фото: Telegram-канал "Лиги Свободных наций"

Бывший шеф-редактор радиостанции "Эхо Москвы в Уфе", ныне редактор независимого издания "Аспекты — Башкортостан", эмигрант Руслан Валиев сейчас активно выступает за "право башкирского народа на самоопределение". В свои эфиры в последнее время он часто приглашает представителей антиколониального движения, обсуждая с ними положение коренных народов в России и возможные перспективы обретения ими независимости. Сам он считает, что "грядущая деколонизация России — это процесс, который фактически уже запущен действиями нынешнего диктаторского фашистского режима в стране". В интервью "Idel.Реалии" Валиев рассказывает, как и почему он стал разделять такие взгляды.

"В течение некоторого времени я не позволял себе открыто поддерживать это движение"

— Недавно вы посетили выставку в Варшаве, посвященную башкортостанским политзаключенным, и выступали там. Вы **говорили**, в частности, о "важности борьбы башкирского народа за самоопределение". В последние месяцы складывается впечатление, что вы кардинально изменили своё отношение к антиколониальному движению и стали всецело его поддерживать. Особенно заметно это было в вашей **беседе** с руководителем "Комитета башкирского национального движения за рубежом" Русланом Габбасовым и из вашего **ответа** на "открытое **письмо**" вам бывшего сотрудника издания "Аспекты — Башкортостан" Евгения Коноплина, обвинившего вас в "пропаганде национализма".

— Я не согласен с оценкой, что я "кардинально" изменил свои взгляды. Я всегда с пониманием относился к идеям и целям антиколониального движения, никогда его жёстко не критиковал и не считал его каким-то там радикальным и неспособным к диалогу, а его представителей какими-то "нерукопожатными" людьми.

Другое дело, что в течение некоторого времени я не позволял себе открыто поддерживать это движение, выражать свою с ним солидарность.

— Почему?

— Я не был уверен в том, что это правильный путь, отвечающий лично моим запросам и запросам Республики Башкортостан в целом. У меня были определённые сомнения — и некоторые из них даже сейчас остаются. Но на общем фоне могу сказать, что это движение — единственное, кто формулирует какое-то чёткое и ясное представление о том, куда стоит двигаться и к чему стремиться. Других представлений ни на одном фланге всей этой гигантской российской политической эмиграции я не вижу.

Руслан Валиев (второй справа) на выставке в Варшаве

— Вы имеете в виду взгляды на будущее России в целом или на будущее конкретно Башкортостана и других республик?

— Я, наверное, всё-таки говорю через призму Башкортостана. То есть, когда я говорю, что разделяю точку зрения деколонизаторов, это не значит, что я считаю, что Россия непременно должна распасться.

Я говорю о том, что Башкортостан, в частности, имеет право на самоопределение. И — при возможности — он имеет право выйти из состава этой страны. А страна — пожалуйста, может сохранить весь свой состав, за исключением нашей республики, если на то пошло.

— Что конкретно повлияло на трансформацию ваших взглядов?

— Я считаю, что на сегодня деколонизация России — это единственный возможный путь. Ну, кроме сохранения нынешнего статус-кво навечно... Деколонизация неизбежна, а раз так, то нужно с этим смириться и к этому присоединиться.

— Как долго вы к этому шли и как пришли?

— Далеко не сразу. Когда в 2018 году я пришел на "Эхо Москвы в Уфе" (и сразу на пост шеф-редактора), у меня были вполне москвоцентричные взгляды российского либерала. Мне была интересна федеральная политика в целом; и совсем

неинтересно то, что происходило в это время в Башкортостане. Конечно, по долгу работы я вынужденно занимался этим, в то же время ожидая, что меня со временем возьмут в московскую редакцию "Эха" — и вот там-то я, наконец, займусь тем, что мне нравится.

Но сама работа в уфимской редакции меня втягивала, погружала в дискуссии на национальную тему, на тему суверенитета и так далее. Волей-неволей я должен был искать ответы на эти вопросы и для слушателей, и для себя самого. Многие башкирские национальные активисты неоднократно были у нас в эфире — и, конечно, я вслушивался в их аргументы.

А ещё были и коллеги, к мнению которых я прислушивался. Для меня культурным шоком, откровением была позиция **Максима Курникова**, которого я сменил на посту шеф-редактора в Уфе. Я задавался вопросом: почему этнически русский Курников с таким вниманием, если не сказать с комплиментарностью, всегда относился к башкирским националистам? Мне было это интересно — и, разыскивая ответы на подобные вопросы, я начал понимать всё больше и больше.

— **Как вам далась такая трансформация взглядов?**

— Можно сказать, она далась мне путем мучительных терзаний. Но мало кто из моих оппонентов задавался вопросом, как я к этому приходил, насколько тяжело и долго у меня это проходило.

"Я продолжаю попытки выстроить диалог для того, чтобы стороны друг друга начали слушать и слышать"

— В одном из интервью нашему изданию вы **говорили**, что вас расстраивают конфликты между активистами антиколониального движения и сторонниками сохранения целостности России, что вы хотели бы быть мостиком для взаимопонимания между ними. Можно ли сказать, что стать таким мостиком у вас не получилось, и трансформация ваших взглядов привела вас определённо в один из лагерей?

— Насчет того, чтобы стать таким мостиком — я продолжаю вынашивать эту идею и даже пытаюсь действовать в этом направлении. Просто на данном этапе осознания я сам примкнул к одной из сторон.

Почему? Да потому что на той стороне разброд и шатание, и нет даже представления о том, как будет выстраиваться будущее страны, если на то будет дан шанс. На той стороне либо происходит отмахивание от этой проблемы, либо её

представители позволяют себе жёсткие, дискриминирующие оппонентов заявления.

Но моё идеологическое примыкание к лагерю деколонизаторов не означает, что я начну также жёстко "хейтить" оппонирующий лагерь. Нет, я продолжаю попытки выстроить диалог для того, чтобы стороны друг друга начали слушать и слышать.

— **Что вы для этого делаете?**

— Прямо накануне нашей беседы я делал попытки пообщаться с **Ильей Яшиным**. Полтора года назад мы довольно тесно общались, он обещал мне дать интервью. В этот раз я предлагал корректно разобрать его известную последнюю **реплику** о том, что "с расчленителями России нам [Яшину и его сторонникам] не по пути". Но сейчас Яшин просто не отвечает на мои сообщения.

— **А что бы вы хотели донести до Яшина?**

— Что грядущая деколонизация России — это не задумки каких-то нехороших людей, а процесс, который фактически уже запущен действиями нынешнего диктаторского фашистского режима в стране.

А чтобы этот процесс, который я всё больше считаю неминуемым, прошёл максимально гладко, в мирном русле, нужно садиться и разговаривать, обсуждать возможные сценарии со всеми возможными акторами этого процесса.

— **Вы живете в Германии и имеете возможность лично встречаться, разговаривать на эти темы со многими представителями российской политэмиграции, не только условно с Яшиным. Как они относятся к проблеме деколонизации в целом и к трансформации ваших взглядов, в частности?**

— Скажу, что относятся с пониманием. Я весной посещал Европарламент, **выступал** в том числе по этой проблеме — и там была чуть ли не прямая поддержка. Но там было не очень представительное мероприятие.

Руслан Валиев в Европарламенте. Март 2026 года

А если взять условное мероприятие, где в большом количестве собрались журналисты разных медиа, блогеры-миллионники, — я как-то был на таком, — то там я, воспользовавшись случаем, взял слово и в мягкой форме напомнил, что есть такая антиколониальная повестка в России и нельзя её игнорировать. Мне никто не возразил, а известный адвокат **Илья Новиков** из Киева даже поддержал.

"Я ориентирован на европейский вариант развития будущего Башкортостана"

— В начале нашей беседы вы сказали, что некоторые сомнения в правильности курса на деколонизацию у вас остаются и сейчас. Какие именно?

— Например, какой именно сценарий выхода условной республики, взять хотя бы Башкортостан, был бы самым верным, самым мирным и демократичным. Скажем, в книге **Руслана Габбасова** "Путь к свободе" отвергается проведение в республике референдума о провозглашении независимости и выходе из состава России. Мне же кажется, что если будет возможность провести такой референдум, то надо сделать всё, чтобы воспользоваться этой опцией — тогда, скажем так, изменения будут более устойчивыми.

Разумеется, сначала нужно провести разъяснительную работу, чтобы люди осознанно за это проголосовали. И после этого, я думаю, можно быть спокойным — и даже не нужно будет идти на такие методы, как, например, установка в республике авторитарного режима на ограниченный период — после

провозглашения независимости. Об этом пишет в своей книге Руслан [Габбасов]; я, в общем-то, понимаю его аргументацию, понимаю, почему он считает это нужным и необходимым.

Но я опасаюсь, потому что прекрасно знаю, что человек всегда остается человеком — существом весьма слабым и непредсказуемым. И нет никаких гарантий, что авторитарный лидер не останется у власти на неограниченный срок.

Вот эти вещи у меня вызывают внутреннюю дискуссию, поэтому я сейчас считаю, что, пока есть время, надо это обсуждать — открыто, без страхов, без упреков, просто обсуждать, озвучивая за и против.

Второй момент, который я выделяю, — может быть, менее значимый — касается положения религии в будущем Башкортостане; конкретно — положения ислама.

— **Поясните.**

— Я против того, чтобы объявлять ислам в Башкортостане официальной религией. Тот же Руслан Габбасов говорит, что республика будет "светским государством, где религия будет отделена от государственной власти", но в то же время заявляет, что ислам "будет играть важную роль в жизни независимого Башкортостана и являться официальной религией", что будут культивироваться "исламские ценности".

Но как их можно культивировать, если мы провозглашаем реальное отделение религии от государства? Значит, отделение будет неполным, если мы с помощью принципов ислама будем насаждать эти ценности.

То есть, если мы встаем на путь демократии, то должны вставать без каких-то оговорок. А дальше, как говорится, пожалуйста: пусть каждая религия чувствует себя свободно и развивается.

— **То есть вы видите возможный независимый Башкортостан страной, ориентированной именно на европейские ценности? Несмотря на историю Башкортостана, состав и религиозный компонент большинства верующего населения?**

— Я действительно ориентирован на европейский вариант развития будущего Башкортостана. Пример Турции, на который ссылается Руслан [Габбасов], мне не очень нравится. Турция при огромных успехах **Кемаля Ататюрка** и его последователей сейчас находится на сомнительном пути авторитарной власти **Реджепа Эрдогана**. И я бы не преувеличивал значение религии в жизни населения

республики. Если уж взять конкретно башкир, то они вообще большей частью, так сказать, весьма индифферентно относятся к исламу.

Я по личному жизненному опыту скажу: мои татарские корни говорят, что у нас, у татар, гораздо более всё было исламизировано и привязано к исламу, а вот с башкирской стороны я вижу, скорее, такой нигилизм — и больше тяготение к прошлому **тенгрианству** .

Или, с другой стороны, взять Казахстан — пусть там не всё успешно с точки зрения продвижения к демократии, но относительно положения религии я вижу, что казахстанцы не стремятся исламизировать страну, а вполне себе идут европейским путем; в быту это четко прослеживается.

До переезда в Германию я провел некоторое время в Казахстане и скажу, что, например, в Алматы, в Астане не идет речь о культивировании ислама. Они умудряются быть мультикультурными, мультиязычными — и при этом у них всё хорошо с демографией. Кто-то скажет: "Нам нужны исламские ценности, чтобы поправлять демографию". Вовсе это необязательно.

Руслан Валиев. Февраль 2024 года

— В книге Руслана Габбасова говорится: "В тот год, когда мы обретем независимость, надо будет сразу вводить башкирский язык во всех учебных заведениях городов и населённых пунктах". Как вы к этому относитесь? И, поскольку у вас есть татарские корни, как вы думаете, что должно быть с татарским языком в будущем Башкортостане?

— Я считаю, что введение обязательного изучения башкирского языка на том этапе, который упомянул Габбасов, — это в какой-то степени вынужденная мера, но совершенно необходимая. В свое время я тоже был против такого обязательного изучения, но сейчас я понимаю, что государственный язык, конечно же, должен изучаться всеми, кто желает быть гражданами определенного государства, чтобы язык использовался в делопроизводстве, в жизни в целом.

Что касается татарского языка в Башкортостане, то на собственном опыте скажу так. Мне сегодня сложно даже разделить эти языки — татарский и башкирский. Например, тот язык, на котором говорили мои родственники в Балтачевском районе нашей республики — это северо-запад Башкортостана — считался татарским. В то же время я знал людей из районов немного восточнее, которые идентифицировали себя как башкиры, но говорили практически на том же языке, на 90% похожем.

В будущем Башкортостане, полагаю, будет свободное изучение всех родных языков, а также использование их, например, в местном делопроизводстве, в СМИ и так далее. К примеру, в моем Балтачевском районе местная муниципальная газета "[Балтач таннары](#)" выходила раньше в печатной версии исключительно на татарском языке. В школе в Старобалтачево, где я учился последние три класса, я изучал башкирский язык в качестве родного, мои одноклассники изучали как родной язык кто татарский, кто марийский.

По данным последней Всероссийской переписи населения 2020 года, в Башкортостане доля башкирского населения составляла 31,5%, татарского — 24,5%. Согласно переписи 2010 года, башкиры — 29,5%, татары — 25,4%. В ходе переписи населения 1989 года, которая, как считается, проходила в наиболее демократических условиях, татары составляли 28,4%, а башкиры — 21,9% от всего населения республики.

Татарские активисты в Башкортостане обвиняют как советское, так и нынешнее руководство Башкортостана в систематической "башкиризации" татар и требуют равного статуса для обоих языков. Некоторые башкирские активисты со своей стороны оспаривают татарскую идентичность части населения Башкортостана и считают их башкирами, а также объявили татарский язык "северо-западным диалектом" башкирского языка.

— В своем "[открытом письме](#)" бывший журналист "Аспектов" Евгений Коноплин приводил цитаты из книги Руслана Габбасова, согласно которым сторонники независимости Башкортостана будут "использовать все методы и средства, начиная от мирных, и заканчивая, если это будет необходимо, вооруженными,

чтобы добиться этой главной цели [независимости]". Коноплин упрекал вас в том, что вы солидаризуетесь с этими тезисами. Что вы думаете об этом? Все ли методы приемлемы для достижения политических целей — в частности, независимости?

— Напомню, в своем [ответе](#) Жене Коноплину я написал: "Если другие носители схожих идей порой выражают спорные суждения, то это не ко мне". Я нигде не подписывался именно под всеми тезисами, которые выдвигают сторонники независимости.

В целом же я не могу сказать, что в вышеприведенной цитате содержатся какие-то сверхъестественные вещи. Когда речь идет о борьбе народа за выживание, за свободу, люди вправе использовать самые разные методы. Нужно учитывать при этом, что катастрофа в стране происходит уже сейчас — развернуты полномасштабные репрессии, война, развязанная Россией, пришла уже к ней самой — в частности, в Башкортостан. Поэтому описанные методы будут, скорее, следствием происходящего, нежели причиной того, что может произойти.

"Многие комментаторы наших нынешних эфиров — это представители именно башкирского населения республики"

— Надо понимать, что ваша личная трансформация взглядов повлекла за собой и изменение редакционной политики "Аспектов"?

— В какой-то мере безусловно. Действительно, у нас уже прошло много эфиров, бесед с видными представителями и сторонниками антиколониального движения — с [Екатериной Марголис](#), [Максимом Кузахметовым](#), [Марией Очир-Горяевой](#), [Фаридой Курбангалеевой](#), [Вадимом \(Харуном\) Сидоровым](#) и другими. Будут такие эфиры и ещё — этот список, в общем-то, понятный и предсказуемый.

— Повлияло ли это на количество и качество вашей аудитории?

— Безусловно, повлияло. Я вижу, что как только у нас акценты стали более или менее расставленными, аудитория выросла. Сейчас людей стабильно больше на стримах — примерно в два раза, чем было минувшей весной и зимой. Я сам приятно удивляюсь. А если взять какие-то наши новые каналы распространения [информации] типа "Инстаграма", — мы же на него внимания не обращали раньше, завели его лишь летом 2025 года, — то тут у нас максимальное количество просмотров всех публикаций, максимальный уровень активности подписчиков.

И подавляющее большинство откликов либо положительные, либо нейтральные. Какого-то отторжения я не вижу. А если есть негативные отзывы, то это явно идет речь не про осознанную позицию человека, а просто про реплики ботов.

— Раньше, в период вашей работы в Уфе и в начале войны России против Украины, большинство ваших слушателей и комментаторов были, насколько можно судить, представители в основном русскоязычного республиканского политического, гражданского активизма, а также представители местной блогосферы, ваши коллеги-журналисты и так далее. Изменилась ли аудитория сейчас?

— Да, заметно изменилась. Я вижу, что многие комментаторы наших нынешних эфиров — это представители именно башкирского населения республики; я бы сказал, представители пассионарной части этого населения.

— Как вы полагаете, почему так произошло? И куда делась прежняя часть аудитории?

— Тут я, прежде всего, отмечу, что с тех пор, как нас сделали "иноагентами", мы уже не вели ни с кем эфиров из республики. Возможно, причина ухода части русскоязычной аудитории в том числе и в этом.

А что касается прироста башкирской аудитории, то, думаю, тут повлияло, во-первых, наше регулярное освещение "Баймакского дела", а, во-вторых, изменение нашей редакционной политики — я как раз имею в виду те эфиры, которые я чуть ранее вам перечислил. Сейчас нам пишут по антиколониальной теме, делятся своими мыслями жители не только Уфы, но и южной, и юго-восточной части Башкортостана.

Руслан Валиев. Архивное фото

— А какова сейчас финансовая ситуация в вашем издании? Ранее вы отмечали, что вести проект после переезда в Германию вам приходится лишь на пожертвования, практически бесплатно. Удалось ли сейчас найти финансирование, получить какие-то гранты?

— Стабильного по-прежнему мало. Разово удалось получить небольшую поддержку, но она уже закончилась. Есть у нас и какие-то донаты от наших постоянных доноров из числа зрителей на YouTube.

Понятно, что цифры не сравнимы с большими каналами, но они появились в последние месяцы, а раньше их не было. Понятно, что это никак не даёт уверенности в завтрашнем дне. Тем более, что сейчас моя семья уже не получает от Германии пособия по гуманитарной визе, поскольку супруга теперь тоже работает. Поэтому лично я стараюсь диверсифицировать свою деятельность.

— Провластные анонимные Telegram-каналы в Башкортостане не раз намекали, что ваше издание "получает иностранное финансирование своей антироссийской деятельности". Что вы на это можете ответить?

— Это всё их бурные конспирологические фантазии. Но, если серьезно, то, оказавшись на Западе, я убедился, что мы в широком смысле никому не нужны — и никто особо не хочет нас поддерживать. Может быть, кого-то кто-то и финансирует, но я таких счастливиц почти не видел.

Поэтому, если кто-то предложит нам финансирование, мы не будем отказываться. Деньги, извините, не пахнут — и без них работать и жить невозможно. Мы с удовольствием поблагодарим [будущих спонсоров] и будем действовать дальше в рамках того, что считаем нужным в нашей редакционной политике, которая сейчас вполне определена.

Руслан Валиев родился 18 апреля 1982 года в городе Верхний Уфалей Челябинской области. До 1996 года жил и учился в школе в рабочем поселке Высокий города Мегион в Ханты-Мансийском автономном округе.

В 1999-м с серебряной медалью окончил среднюю школу в селе Старобалтачево в Балтачевском районе Башкортостана. В 2004 году закончил Башкирский государственный аграрный университет, получив диплом с отличием по специальности "Инженер лесного хозяйства".

До 2007 года работал продавцом, затем менеджером по обучению персонала в башкирском филиале компании "Евросеть". В 2007-2018 годах работал на разных должностях в уфимском представительстве инвесткомпания "Финам".

С марта 2018-го по март 2022 года — шеф-редактор радиостанции "Эхо Москвы" в Уфе".

В 2019-2022 годах был членом Совета по правам человека и развитию институтов гражданского общества (СПЧ) при главе Башкортостана. Занимал должность председателя комиссии СПЧ по гражданским правам и гражданской активности, избирательным правам, свободе информации и правам журналистов, правопорядку и гражданскому контролю за правоохранительными органами, содействию ОНК, где поднимал проблемы нарушения прав граждан на проведение публичных мероприятий и несовершенства избирательного законодательства. Летом 2022 выведен из состава Совета.

1 апреля 2022 года — после закрытия радиостанции "Эхо Москвы" в Уфе" — основал издание "Аспекты" и стал его редактором.

25 сентября 2022 года покинул Россию. По его словам, "из-за угрозы мобилизации и информации о возможном перекрытии границ".

Прибыл в Германию с семьей в начале 2023 года. Сейчас проживает Берлине.

Idel.Реалии

Мы не разглашаем имя автора этой публикации из-за угрозы уголовного преследования по закону о нежелательных организациях в России.

Этот контент также в категориях

Интервью. Поволжье

Башкортостан